

ВИЗАНТИЯ И СОБОРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV в.

Церковный раскол 1054 г. уничтожил последние признаки единства христианской церкви. Несмотря на это попытки воссоединения восточной и западной церквей неоднократно повторялись на протяжении последующих столетий [1].

В Византии проблема унии была тесно связана с внешнеполитическими факторами. В XIV в. часть византийской интеллигенции оказалась охваченной латинофильскими настроениями, в основе которых лежало убеждение в том, что только военная помощь Запада позволит Византии противостоять турецкой экспансии [2]. Ориентация на политическое сближение с папством постепенно возобладавала также и во внешней политике Константинополя. Но в XV в. во взаимоотношения Византии и Запада вмешался новый фактор, связанный с таким интересным явлением в политической жизни Запада, как соборное движение.

Феномен конциляризма был порожден глубокими сдвигами в развитии западной цивилизации. Европа переживала усиление национально-государственного партикуляризма, который пришел в противоречие с космополитическим характером римско-католической церкви. Начался упадок папства. Авторитет последнего никогда еще не страдал так сильно, как в 1378 г., когда в результате раскола установилось двоепапство. После 1409 г. католический мир имел уже трех пап одновременно.

Идеологи конциляризма, казалось, нашли способ, как вывести церковь из затянувшегося кризиса и приспособить ее к новым историческим условиям. Общий смысл их идей сводился к тому, что во главе церкви должен находиться не папа, а церковный собор, и только ему одному должно принадлежать последнее слово в вопросах церкви и религии. Тем самым супрематия папы подменялась супрематией собора, власть которого проистекала от самого Бога.

Конечно, конциляризм является продуктом развития западной цивилизации. Но идеологи его прекрасно понимали, что авторитет такого собора станет абсолютным тогда, когда в нем будет представлено все христианское сообщество, включая православные народы [3]. Так создавалась возможность взаимодействия и объединения двух церквей - греческой и латинской на основе принципов конциляризма. Но насколько обе стороны оказались готовы к этому?

Как уже отмечалось, в Византии с церковной унией связывали надежды на военную помощь Запада. На рубеже XIV - XV вв. империя готова была рухнуть под натиском османского нашествия, и только битва при Анкаре отсрочила катастрофу еще на полстолетия. Византийская дипломатия вела в это время поиск союзников на Западе для создания антитурецкой лиги [4]. Однако вопрос об унии в дипломатической переписке не обсуждался до 1411 г. Вероятно, этот факт объясняется не только тем, что католическая церковь находилась еще в состоянии раскола. Особо надо отметить отношение самого императора Мануила II к этой проблеме. Не случайно перед смертью он предостерегал своего наследника Иоанна VIII от форсированных попыток в деле заключения унии [5]. Император сам был выдающимся богословом [6], он хорошо понимал, какие последствия может иметь уния для византийского общества, и склонен был видеть в ней прежде всего средство устрашения противника. В результате он стремился к созданию коалиции союзников на чисто политической основе [7].

Шансы на успешную реализацию этого плана были ничтожно малы, пока на политическом горизонте Европы не появилась фигура императора Сигизмунда, чьи намерения совпадали с византийскими интересами. Сигизмунд, король Венгрии, в 1410 г. был признан германо-римским императором. Он был увлечен идеей нового крестового похода, так как турецкая экспансия приближалась к границам его владений [8]. Но перед этим необходимо было ликвидировать раскол в римско-католической церкви. В Европе уже давно связывали надежды на это с сильной личностью германского императора. В свою очередь в Константинополе должны были по достоинству оценить эти планы.

Как явствует из письма Сигизмунда к византийскому императору от мая - июня 1411 г. [9], между ними произошел обмен посланиями, и в том же году византийский посол Мануил Хрисолора отправился к Сигизмунду, чтобы обсудить с ним вопрос о церковной унии. Германский император прилагал усилия к тому, чтобы созвать собор для наведения порядка в католической церкви. Следовательно, вопрос об унии мог быть решен на соборе, который удалось открыть в ноябре 1414 г. в Констанце.

Констанцский собор стал значительным событием в политической жизни Запада. Здесь присутствовала не только духовная элита, но и множество влиятельных светских особ, послов из разных государств. В этом виде собор как бы являл собой некую представительную корпорацию не только церкви, но и всей католической Европы. Для греков это была прекрасная возможность привлечь внимание к своим проблемам. В новой ситуации судьба переговоров зависела от позиции собора, который поставил себя выше папы.

Известно, что было два византийских посольства на Констанцский собор. Первое прибыло туда весной 1415 г. [10], хотя оно и было принято очень доброжелательно, его пребывание не принесло никаких

ощутимых результатов. Через год на соборе появилась вторая группа послов, возглавляемых Николаем Евдемоном и Иоанном [11]. Эта делегация уже имела при себе документ, в котором подробно излагались взгляды императора Мануила относительно унии [12].

К сожалению, этот источник утрачен, и мы не можем точно установить, в чем заключался план императора. Однако известен другой любопытный факт. Греки решительно отказались вступать в переговоры, прежде чем римская церковь не обретет нового папу [13]. Вероятно, это говорит о том, что в Византии не восприняли идею конциляризма, воплощением которой стал Констанцкий собор. Отчасти это объясняется и позицией самого византийского императора, для которого уния являлась не самоцелью, а средством, способным ускорить создание антитурецкого альянса. В этом смысле для него важна была не столько уния, сколько факт переговоров на этой почве, отражающих его готовность к сотрудничеству с Западом. И здесь он, вероятно, предпочитал иметь дело с папой, чем с целым собором, раздираемым собственными противоречиями.

События в Констанце действительно приняли безнадешный для греков оборот. Выборы папы затянулись до ноября 1417 г. (до утверждения Мартина V). Собор был поглощен собственными проблемами, связанными с реформой церковного строя. Ситуация осложнилась внешними факторами. После битвы при Азенкуре (июнь, 1415) с новой силой вспыхнула Столетняя война. В Чехии разворачивалось гуситское движение. Все это еще больше осложняло деятельность собора, который раскалывался на фракции. Император Сигизмунд тщетно пытался своим авторитетом восстановить порядок [14]. В этих условиях переговоры об унии постепенно заглохли, не вызвав к себе особого интереса на Западе.

Хотя на протяжении последующих лет эта проблема также неоднократно обсуждалась [15], не было серьезных попыток решить ее. Только в 30-е гг. XV в. работа в этом направлении оживилась с обеих сторон, но проходила она на фоне нового кризиса в католической церкви.

Констанцкий собор ознаменовал победу конциляризма. Власть папы ограничивалась теперь церковным собором, что заложило основу будущего конфликта, который вспыхнул сразу после того, как был созван новый собор, открывшийся в Базеле в 1431 г.

В отличие от Мануила II император Иоанн VIII стремился ускорить процесс заключения унии [16]. Но здесь византийцы оказались в сложном положении, так как не было ясности в том, к кому следует апеллировать - к собору или к папе. В результате они повели двойную игру, ведя переговоры одновременно и с тем, и с другим. В свою очередь на Западе интерес к грекам не случаен. Оба соперника были заинтересованы в них в качестве союзников. Папа Евгений IV знал о всех прежних переговорах с ними и уже предупреждал собор о грядущих переменах [17]. С помощью унии он рассчитывал укрепить собственный автори-

тет. Но как только в Базеле поняли это, то попытались немедленно перехватить инициативу папы.

В 1433 г. в Константинополь было отправлено посольство из Базеля [18]. Оно попыталось склонить императора к сотрудничеству с собором, убеждая его в том, что только собор обладает реальной властью и пользуется поддержкой светских государей, прежде всего императора Сигизмунда. В результате в июле 1434 г. в Базель прибыла византийская делегация [19]. В нее входили родственники императора Димитрий Палеолог Метохит, Иоанн Дисипат, а также иеромонах Исидор (известный в будущем кардинал). В торжественной обстановке послы вручили собору императорский хрисовул, в котором василевс выражал готовность принять со своей стороны те соглашения, которые будут заключены греками с руководством собора [20].

Необходимо отметить также, что посольству были даны инструкции, в которых император настаивал на том, что принять унию может только вселенский собор, для проведения которого следовало найти более удобное место, так как Базель таким быть не мог [21]. Условия, поставленные императором, вполне можно понять. Он явно не хотел, связав себя с Базелем, порывать с папой, без которого в Византии не могли представить себе будущий вселенский собор и сам акт заключения унии. Но идти на безусловный сговор с папой, минуя собор, император, очевидно, тоже не собирался.

Папская курия немедленно отреагировала на эти события. Как явствует из послания императора его представителям в Базеле [22], вскоре после их отъезда в Константинополь прибыл папский легат Кристофор Гаратони. От имени папы он предложил подготовить и провести униатный собор прямо в византийской столице [23]. Но император не стал спешить с ответом, пока не было уверенности в том, что решение папы согласовано с собором. Тем временем в Базеле собор дал свое согласие заключить унию. При этом греки настояли, чтобы акт этого соглашения обязательно утвердил папа, что и было сделано [24]. Папа не стал возражать. Авторитет Базельского собора был в тот момент слишком велик, чтобы ему противостоять. Таким образом, обстоятельства начинали складываться в пользу византийцев.

Однако соглашение, к которому пришли в Базеле, выглядело простой декларацией до тех пор, пока не урегулировали все условия его осуществления. Прежде всего оказался нерешенным вопрос о месте проведения будущего вселенского собора. В условиях конфронтации между папой и Базелем он имел принципиально важное значение.

В 1435 г. император обращается к обеим сторонам с одной просьбой - созвать собор в каком-нибудь прибрежном городе [25]. Не получив ответа, он отправляет в ноябре следующего года новое посольство в Базель с таким поручением: если в Базеле не удастся снова решить вопрос о месте проведения собора, то послы уполномочены отправить-

ся прямо к папе и дать согласие на созыв собора им, если он найдет для этого город в Италии и возьмет на себя все расходы.

Пока эта миссия выполнялась, в Константинополь пришел, наконец, ответ из Базеля [26]. Но он лишь разочаровал императора, так как предлагал ему и всей делегации прибыть именно в Базель. Прибывшим туда послан в мае 1437 г. собор окончательно отказал вести переговоры об унии в одном из городов на побережье. Византийцы, в соответствии с указаниями императора, отправились в Болонью, где находилась резиденция папы. Последний своим решением от 31 июля 1437 г. распустил собор и объявил о созыве нового вселенского собора в Ферраре. В этот ответственный момент собрание в Базеле раскололось, и его руководство во главе с Юлианом Чезарини поддержало папу.

Так события предопределили решение, принятое в Константинополе. Византийская делегация во главе с императором и патриархом села на папские галеры, которые в феврале 1438 г. доставили ее в Италию, а в Венеции они узнали, что дальше они должны следовать в Феррару, где и планировалось проведение собора [27].

Таким образом, византийцы вовсе не были склонны идти на разрыв отношений с Базелем, но непримиримая позиция последнего заставила их фактически пойти на него. Вероятно, император не без сожаления сознавал это, когда в своем последнем послании к собору призвал всех его участников следовать за ним в Феррару [28].

Итак, поиск союзников увенчался для Византии дипломатической ориентацией на папство. Конциляризм не стал основой для политического и культурного сближения Византии и Запада. Опыт общения греков с церковными соборами в Европе этого периода показал, что скорее всего сама идеология конциляризма почти не задела византийскую интеллигенцию. Несмотря на то, что византийцы признавали и считались с авторитетом соборов, они тем не менее не смогли пренебречь папством и в конечном итоге именно с ним связали свои ожидания.

Но это лишь одна сторона проблемы. Трудно предположить, что соборы могли стать реальной альтернативой союзу с папством. Соборное движение возникло на европейской почве и было призвано решить проблемы, связанные с развитием западной цивилизации, находившейся у истоков формирования национальных государств. Запад не интересовал судьбы христианства на византийском Востоке.

В заключение остается сказать, что если для византийцев союз с папой не имел перспектив, но папе он помог одержать решительную победу над конциляризмом.

1. **Вернадский Г.В.** Воссоединение церквей в исторической действительности// ВИ. 1994. № 7.

2. **Поляковская М. А.** Димитрий Кидонис и Запад (60-е гг. XIV в.) // Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979. С. 46.

3. **Beck H-G.** Byzanz und der Westen im Zeitalter des Konziliarismus // Die Welt zur Zeit des Konstanzer Konzils. Vorträge und Forschungen. Wien, 1965. S. 142-143.

4. **Медведев И.П.** К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи// ВВ. 1972. Т. 33.
5. **Сфрандзи Георгий.** Хроника// Кавказ и Византия. Ереван, 1987. Вып. 5. С.208.
6. **Beck H.-G.** Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. Munchen, 1959. S. 747.
7. **Beck H.-G.** Byzanz und der Westen... S. 141.
8. Handbuch der deutschen Geschichte. Stuttgart, 1981. Bd. 1. S. 634.
9. Acta Concilii Constanciensis, Hrsg. von H. Finke und andere. Münster, 1896. Bd. 1. S. 393.
10. **Beck H.-G.** Byzanz und der Westen... S. 144.
11. **Zhishman J.** Die Unionsverhandlungen zwischen der orientalischen und romischen Kirchen seit dem Anfange des XV. Jahrhunderts bis zum Konzil von Ferrara. Wien, 1858. S.6.
12. **Dolger F.** Regesten von Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches 565-1453. Munchen; Berlin, 1965. T.5. N 3355. (далее - Reg.).
13. **Beck H.-G.** Byzanz und der Westen... S. 144.
14. **Лампрехт К.** История германского народа. М., 1895. Т. 2. С. 597-598.
15. **Zhishman J.** Die Unionsverhandlungen... S. 7-17.
16. **Ostrogorsky G.** Geschichte des byzantinischen Staates. Munchen, 1963. S. 464.
17. **Функ Ф.К.** История христианской церкви. М., 1911. С. 362.
18. **Пурпинг О.** Россия и папский престол. М., 1912. С. 47.
19. Там же. С. 51.
20. Reg. N 3439.
21. Ibid. N 3437.
22. Ibid. N 3446.
23. **Zhishman J.** Die Unionsverhandlungen... S. 83-84.
24. **Пурпинг О.** Россия и папский престол. С. 53.
25. Reg. № 3448, 3449.
26. Ibid. № 3470.
27. **Beck H.-G.** Byzanz und der Westen... S. 146.
28. Reg. № 3478.